ВЗЯЛ

ВЗЯЛ

БАРАБАН ФУТУРИСТОВ ДЕКАБРЬ 1915

В. Маяковскій. Вам которые в тылу.

Вам проживающим за оргіей оргію
Имѣющим ванную и теплый клозет
Как вам не стыдно о представленных Георгію
Вычитывать из столбцов газет!

Вот вы прохвосты бездарные многіе
Все думаете нажраться лучше как
А может быть сейчас бомбой ноги
Выдрало у Петрова поручика.

Если бы он . . . .
Вдруг увидѣл израненный
Как вы измазанной в котлетѣ губой!
Похотливо напѣваете Сѣверянина.

Вам ли любящим баб да блюда
Жизнь отдавать в угоду
Я лучше в барѣ б . . . буду
Подавать ананасную воду.

В. Маяковскій. Капля дегтя.

«Рѣчь которая будет произнесена при первом удобном случаѣ».

Милостивые государи и милостивыя государыни!

Этот год—год смертей: чуть ни каждый день громкою скорбью рыдают газеты по ком нибудь маститом до срока ушедшем в лучшій мір. Каждый день тягучим плачем голосит петит над множеством имен вырѣзанных Марсом. Какія благородныя и монашески строгія выходят сегодня газеты. В черных траурных платьях похоронных объявленій, с глазами блестящими кристальной слезой некролога. Вот почему было как то особенно непріятно видѣть что эта самая облагороженная горем пресса подняла такое непристойное веселье по поводу одной очень близкой мнѣ смерти.

Когда запряженные цугом критики повезли по грязной дорогѣ, дорогѣ печатнаго слова гроб футуризма недѣли трубили газеты: «хо, хо, хо! так его! вези, вези! наконец то!» (Страшное волненіе аудиторіи: «как умер? футуризм умер? да что вы?»)

Да умер.

Вот уже год вмѣсто него огнесловаго, еле лавирующаго между правдой, красотой и участком, на эстрадах аудиторій пресмыкаются скучнѣйшіе когано-эйхенвальдообразые старики. Год уже в аудиторіях скучнѣйшая логика, доказываніе каких то воробьиных истин вмѣсто веселаго звона графинов по пустым головам

Господа! да неужели вам не жалко этого взбалмошнаго в рыжих вихрах дѣтины немного неумнаго, немного некультурнаго, но всегда, о! всегда смѣлаго и горящаго. Впрочем как вам понять молодость? Молодые, которым мы дороги еще не скоро вернуться с поля брани; вы же, оставшіеся здѣсь для спокойнаго занятія в газетах и прочих конторах; вы—или неспособные носить оружіе рахитики или старые мѣшки набитые морщинами и сѣдинами дѣло которых думать о наиболѣе безмятежном переходѣ в другой мір, а не о судьбах русскаго искусства.

А знаете я и сам не очень-то жалѣю покойника, правда из других соображеній.

Оживите в памяти первый гала—выход россійскаго футуризма ознаменованный такой звонкой «пощечиной общественному вкусу» Из этой лихой свалки особенно запомнились три удара под тремя криками нашего манифеста.

1) Смять мороженницу всяческих канонов дѣлающую лед из вдохновенія.

2) Сломать старый язык безсильный догнать скачь жизни.

3) Сбросить старых великих с парохода современности.

Как видите ни одного зданія ни одного благоустроеннаго угла, разрушеніе, анархизм. Над этим смѣялись обыватели как над чудачеством сумасшедших, а это оказалось «дьявольской интуиціей» воплощенной в бурном сегодня. Война расширяя границы государств и мозг заставляет врываться в границы вчера невѣдомаго.

Художник! тебѣ ли тоненькой сѣточкой контуров поймать несущуюся кавалерію. Рѣпин! Самокиш! уберите ведра—краску расплещет.

Поэт! не сажай в качалку ямбов и хореев мощный бой—всю качалку разворотит!

Изламыванье слов, словоновшество! Сколько их новых во главѣ с Петроградом, а кондуктрисса! умрите Сѣверянин! Футуристам ли кричать о забвеніи старой литературы. Кто за казачьим гиком разслышит трель мандолиниста Брюсова. Сегодня всѣ футуристы. Народ футурист.

Футуризм мертвой хваткой ВЗЯЛ Россію.

Не видя футуризма перед собой и не умѣя заглянуть в себя, вы закричали о смерти. Да! футуризм умер как особенная группа, но во всѣх вас он разлит наводненіем.

Но раз футуризм умер как идея избранных, он нам не нужен. Первую часть нашей программы разрушенія мы считаем завершенной. Вот почему не удивляйтесь, если сегодня в наших руках увидите вмѣсто погремушки шута чертеж зодчаго и голос футуризма вчера еще мягкій от сентиментальной мечтательности сегодня выльется в мѣдь проповѣди.

В. Хлѣбников. Предложенія.

1. Называть числа пятью гласными а, у, о, е, и, а—1; у—2, о—3, е—4, и—5,я—0; пятиричное счисленіе.

II. Всѣ мысли земного шара (их так немного) как дома улицы снабдить особым числом и разговаривать и обмѣниваться мыслями пользуясь языком зрѣнія. Назвать числами рѣчи Цицерона, Катона, Отелло, Демосѳена и замѣнять в судах и других учрежденіях никому не нужныя подражательныя рѣчи простой вывѣской дощечки с обозначеніем числа рѣчи. Это первый международный язык. Это начало отчасти проведено в сводах закона.

Языки останутся для искусств и освободятся от оскорбительнаго груза. Слух устал.

III. Избрать 1915 год годом новой эры; обозначить года посредством чисел плоскости $а + в\sqrt{-1}$, в видѣ 317 д. $+ е\sqrt{-1}$, гдѣ $е < 317$.

IV. Носить вмѣсто одежд средневѣковыя латы бѣлаго цвѣта из того полотна, которое теперь служит для жалких воротничков и нагрудничков.

V. Учредить для вѣчной непрекращающейся войны между желающими всѣх стран особый пустынный остров, напр. Исландію (прекрасная смерть).

VI. В обыкновенных войнах пользоваться сонным оружіем (сонными пулями).

VII. Внести тот же порядок и строй в дѣлѣ рожденія, какой существует теперь в дѣлѣ убійства; войска рожденій, ограниченное число их.

VIII Перековать в войнах вѣтер чумы на вѣтер сна. Тогда государства вызовут наше восхищеніе и заслужат уваженіе.

IX. Вездѣ вмѣсто понятія пространство вводить понятіе времени, напримѣр войны между поколѣніями земнаго шара, воины окопов времени.

X. Нельзя было бы избѣжать крушенія поѣздов, если бы их движенія были бы ограничены только пространством (полотном). Точно также полотно государства требует расписанія их движенія (разных поѣздов по одному полотну).

XI. Раздѣлить человѣчество на изобрѣтателей и остальных (прочих). Отряд вѣщих очей.

XII. Углубиться в искусство сочетанія племен и выводки новых для нужд земного шара.

XIII. Преобразованіе жилищных прав; право быть собственником комнаты в неопредѣленном городѣ с правом постоянно мѣнять мѣсто (право на жилище, лишенное пространственнаго опредѣленія). Летающее человѣчество не ограничивает своих прав собственности отдѣльным мѣстом.

XIV. Строить дома в видѣ желѣзных рѣшеток, куда бы могли вставляться подвижные стеклянные домики.

XV. Требовать у вооруженных союзов людей с оружіем в руках оспаривать мнѣніе будетлян, что весь земной шар принадлежит им.

XVI. Основывать сословія геагогов и сверхгосударства.

Д. Бурлюк. «Весна».

В. Маяковскій.

Лилѣ Юрьевнѣ Брик.

Версты улиц взмахами шагов мну.
Куда уйду я этот ад тая.
Какому небесному Гофману
Выдумалась ты проклятая!

Бурѣ веселья улицы узки.
Праздник нарядных черпали черпал.
Думаю.
Мысли крови сгустки
Больныя и запекшіяся лѣзут из черепа.

Мнѣ
Чудотворцу всего что празднично
Самому на праздник выйти не с кѣм.
Возьму сейчас и грохнусь навзничь
Голову вымозжу каменным Невским.
. . . .
. . . .
А он такую из пекловых глубин
Что перед ней гора заволнуется и дрогнет
Вывел и велѣл:
Люби.

. . . . . . доволен.
Под небом в кручѣ
Измученный человѣк одичал и вымер.
. . . . потирает ладони ручек.
Думает . . . . .
Погоди Владимір.

Это ему ему же
Чтоб не догадался кто ты
Выдумалось дать тебѣ настоящаго мужа
И на рояль положить человѣчьи ноты.

Если вдруг подкрасться к двери спаленной
Перекрестить над вами стеганье одѣялово
Знаю
Запахнет шерстью паленной
И сѣрой издымится мясо дьявола.

А я вмѣсто этого до утра ранняго
В ужасѣ что тебя любить увели
Метался
И крики в строчки выгранивал
Уже наполовину сумасшедшій ювелир.

В карты б играть.
В вино
Выполоскать горло сердцу изоханному.
Не надо тебя.
Не хочу.
Все равно
Я знаю
Я скоро сдохну.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Судейскую цѣпь надѣнь.
Жди моего визита.
Я аккуратный
Не замедлю ни на день.
Слушай
. . . . . . инквизитор!

Рот зажму
Крик ни один им
Не выпущу из искусанных губ я.
Привяжи меня кометам как к хвостам лошадиным
И вымчи
Рвя о звѣздныя зубья.

Или вот что:
Когда душа моя выселится
И выйдет на суд твой выхмурясь тупенько
Ты млечный путь перекинув висѣлицей
Возьми и вздерни меня преступника.

Дѣлай что хочешь.
Хочешь четвертуй.
Я сам тебѣ праведный руки вымою.
Только—
Слышишь
Убери проклятую ту
Которую сдѣлал моей любимою!

Версты улиц взмахами шагов мну.
Куда я дѣнусь этот ад тая.
Какому небесному Гофману
Выдумалась ты проклятая!

В. Хлѣбников.

Гдѣ волк воскликнул кровью:
Эй! я юноши тѣло ѣм.
Там скажет мать «дала сынов я»—
Мы старцы, разсудим, что дѣлаем.
Правда, что юноши стали дешевле?
Дешевле земли, бочки воды и телѣги углей?
Ты, женщина в бѣлом, косящая стебли,
Мышцами смуглая, в работѣ наглѣй.
«Мертвые юноши! Мертвые юноши!»
По площадям плещется стон городов.
Не так ли разносчик сорок и дроздов,
—Их перья на шляпу свою нашей.
Кто книжечку издал:—„пѣсни послѣдних оленей"
Висит, рядом с серебрянной шкуркою зайца,
Продѣтый кольцом за колѣни
Там, гдѣ сметана, мясо и яйца.
Падают брянскіе, растут у Манташева.
Нѣт уже юноши, нѣт уже нашего
Черноглазаго короля бесѣды за ужином.
Поймите он дорог поймите он нужен нам.

В. Каменскій.

Крестьянская.

Дай Бог здоровья себѣ да коням
Я научу тебя землю пахать
Знай брат держись как мы погоним
И недосуг нам будет издыхать.
Чего схватился за поясницу
Ишь ты лѣнтяй—ядрено ѣшь
Тебѣ бы к дѣвкам на колесницу
Вертѣться лѣшій на потѣшь.
Дай Бог здоровья себѣ да коням
Я те заставлю пни выворачивать
Мы с тобой силы зря не оброним
Станем кулаками тын заколачивать.
Чего когтями скребешь затылок
Разминай-ко силы проворнѣе
Да сдѣлай веселым рыжее рыло
Хватайся ловись—жми задорнѣе
Дай Бог здоровья себѣ да коням
Мы на работѣ загрызем хоть кого
Мы не сгорим на водѣ не утонем
И станем—два быка—во.

Б. Пастернак.

Как казначей послѣдней из планет,
В какой я книгѣ справлюсь, горожане,
Во что душѣ обходится поэт
Любви, людей и весен содержанье.

Однажды я невольно заглянул
В свою еще не высохшую роспись—
И ты—больна, больна милліоном скул
И ты—одна, одна в их черной оспѣ!

Счастливая, я дѣвушкѣ скажу
Когда нибудь, и с сотворенья міра
Впервые тѣло спустят как баржу
На волю дней, на волю их буксира.

Несчастная, тебѣ скажу, женѣ
Еще не позабытых похожденій,
Несчастная затѣм, что я вдвойнѣ
Люблю тебя за то и это рвенье!

Может быть не поздно
Брось, брось,
Может быть не поздно еще
Брось!

Вѣдь будет он преслѣдовать
Рев этих труб,
Назойливых сѣтованій
По утру, ввечеру:

Зачѣм мнѣ так тѣсно
В моей душѣ
И так безотвѣтствен
Сосѣд!

Быть может, оттуда сюда перейдя
И перетащив гардероб
Она позабыла там снять с гвоздя
О если-бы только салоп
Но без всякаго еслибы лампа чадит
Над красным квадратом ковров
И без всякаго еслиб, магнит, магнит—
Ея родное тавро.

Ты думаешь, я кощунствую?
О нѣт, о нѣт, повѣрь!
Но как яд, я глодаю по унціи
К былому ведущую дверь.

Впустите, я там уже, или сойду
    Я от опозданья с ума,
Сохранна в душѣ, как птица на льду
    Ревнивой тоски сулема.

Ну, понятно, в туманѣ бумаг, стихи
    Проведут эту ночь во снѣ.
Но всю ночь мои мысли, как сосен верхи—
    В зарѣ—в твоем первом огнѣ.

Раньше я покрывал твои колѣни
Поцѣлуями от всего безразсудства.
Но как крылья, растут у меня оскорбленья
Дай и крыльям моим к тебѣ прикоснуться!

Ты должна была б слышать как пѣсню в кости
Охранительный окрик: Постой, не торопись!
Еслиб знала, как будет нам больно расти
Потом, втроем, в эту узкую высь!

Маленькій, маленькій звѣрь,
Дитя больших звѣрей,
Пред собой, за собой провѣрь
Замки у всѣх дверей!

Давно идут часы
Тебя не стали ждать
И в дѣвственных дебрях красы
Бушует: «Опять, опять» . . . . .
. . . .

    Полюбуйся ж на то,
Как всевластен размѣр
    Орел, рѣшето?
Ты щедра—я щедр.

    Когда копилка наполовину пуста
Как краснорѣчивы ея уста!
    Опилки, подчас, звучат звончѣй
Копилки и доверху полной грошей,

    Но поэт, казначей человѣчества, рад
    Душеизнурительной цифрѣ затрат,
    Затрат, пошедших, напримѣр
    На содержанье трагедій, царств и химер.

Н. Асѣев.

Я знаю; всѣ плечи смѣло
Ложатся в волны как в простыни,
А Ваше лицо из мѣла
Горит и сыплется звѣздами;

Вас море держит в ладони
С горячаго сняв песка
И кажется: вот утонет
Изгиб золотистаго виска . . . . .

Тогда разорвутся губы
От злой и голодной ругани
И море пойдет на убыль
Задом, как звѣрь испуганный

И станет коситься глазом
В небо, за помощью, к третьему
Но брошу лопнувшій разум
С размаха далеко вслѣд ему

И буду плевать без страха
В лицо им дары и таинства
За то что твоя рубаха
Одна на рескѣ останется.

Август 1915

Виктор Шкловскій.

В сѣрое я одѣт и в сѣрыя я обратился латы Россіи.
И в воинскій поѣзд с другими сажают меня и плачут люди за мной.
То первое мнѣ Россія дарит смертное свое цѣлованіе.
И умирают русскіе как волки, а про волков сказано не то у Аксакова, не то у Брема, что они умирают молча.
Это оттого, что из наших великих полей не вырвешь своего крика и не замѣсишь нищей земли своей кровью.
И в окопах воду из под слѣда пія, умирают русскіе, как волки в ловчих ямах, молча.
И с ними я связан родиной и общим воинским строем.

Напрасно наматывает автомобиль сѣрыя струи дороги на сѣрыя шуршащія шины.
Нас с тобой накрѣпко связала-стянула тоска.
Если бы из усладной разлюби-травы найти нам напиток,—мы бы выпили его пополам, как пьют брачную чашу.
Или заговор бы сказать на забвеніе, держа друг друга за руки.
Или в каменную бы тебя положить усыпив пещеру.
И тогда легко и просто разстались бы мы так, как расходятся в морѣ лодки с разнопоставленными парусами.

Вышла книга Маяковскаго «Облако в штанах».

В. Шкловскій.

У нас не умѣли писать про сегодня. Искусство не спариваемое больше с жизнью, от постоянных браков между близкими родственниками—старыми поэтическими образами мельчало и вымирало. Вымирал миф. Возьмем знаменитую переписку Валерія Брюсова с Вячеславом Ивановым

Есть Зевс над твердію и в Эребѣ
Отвѣс грѣха в пучину брось
От Бога в сердцѣ к Богу в небѣ
Струной протянутая ось
Поет, «да будет» отчей волѣ
Кромѣшный плѣн и в небеси
На отчем стеблѣ колос в полѣ
И солнце на его оси.

Здѣсь ясно видно, что образы этих поэтов образы третьяго поколѣнія, скорѣе даже ссылки на образы—внуки первоначальнаго ощущенія жизни. В сотый в тысячный раз возстановлялись образы, но вѣдь только первый вошедшій по возмущенію воды в Силоамскую купель получал исцѣленіе. В погонѣ за новым образом ударялись в экзотику; писали и одновременно увлекались 18 вѣком, таитянским искусством, Римом, Кватроченто, искусством острова Пасхи, комедіей dell'arte, русскими иконами и даже писали поэмы из быта третичных вѣков. Увлекались всѣм сразу и ни от чего не отказывались, ничего не смѣли разрушить, не замѣчая что искусства разных вѣков противорѣчивы и взаимно отрицают друг друга и что не только средневѣковая хроника написана на пергаментѣ с котораго счищены стихи Овидія, но и даже для того чтобы построить биржу Томона нужно было разрушить биржу Гваренги. Примиреніе и одновременное сожитіе всѣх художественных эпох в душѣ пассеиста вполнѣ похожа на кладбище, гдѣ мертвые уже не враждуют. А жизнь была оставлена хроникѣ и кинемо. Искусство ушло из жизни в тѣсный круг людей, гдѣ оно вело призрачное существованіе подобное воспоминанію. А у нас пропало чувство матеріала, стали цементу придавать форму камня, желѣзу дерева. Наступил вѣк цинковаго литія, штампованой жести и олеографіи. Морскія свинки с перерѣзанными ножными нервами отгрызывают себѣ пальцы. Міp, потерявшій вмѣстѣ с искусством ощущенія жизни, совершает сейчас над собою чудовищное самоубійство. Война в наше время мертваго искусства проходит мимо сознанія и этим объясняется ея жестокость, большая чѣм жестокость религіозных войн. Германія не имѣла футуризма за то имѣла его Россія, Италія, Франція и Англія.

Цензурными вырѣзками превращенная в отрывки, притушенная но и в этом видѣ огненная, вышла книга Маяковскаго «Облако в штанах». Из книги вырѣзано почти все что являлось политическим credo русскаго футуризма, остались любовь, гнѣв, прославленная улица и новое мастерство формы.

К формѣ поэмы Маяковскаго можно примѣнить тѣ слова которыя он говорит про себя.

У меня в душѣ ни одного сѣдого волоса
И старческой нѣжности нѣт в ней
Міp огромив мощью голоса
Иду красивый двадцатидвухлѣтній.

В поэмѣ тоже нѣт ни сѣдых волос—старых рифм и размѣров, ни старческой нѣжности прежней русской литературы—литературы безсильных людей. Поэма написана таким размѣром свободным и закономѣрным, как ритм плача или брани. Рифмы Мая-

ковскаго не дают полнаго совпаденія звуков, но как бы отступают друг от друга на пол-шага так же, как отступают напоминая друг друга но не совпадая параллельныя образы, которыми широко пользуется автор.

Опять влюбленный выйду в игры
Огнем озаряя бровей загиб
Что же?
И в домѣ который выгорѣл
Иногда живут бездомные бродяги.

Это примѣненіе параллелизмов скорѣе роднит пріем поэта Маяковскаго с героическим эпосом, чѣм со вчерашним искусством. Поэма производит впечатлѣніе какого то большого единства; слова держатся друг за друга мертвой хваткой.

И кто то запутавшись в облачных путах
Вытянул руки кафэ
И будто по женски
Нѣжный какъ будто
И будто бы пушек лафет.

В новом мастерствѣ Маяковскаго улица, прежде лишенная искусства нашла свое слово, свою форму. Сегодня мы у истоков великой рѣки. Не из окна смотрѣл поэт на улицу. Он считает себя ея сыном, а мы по сыну узнаем красоту матери, в лицо которой раньше смотрѣть не умѣли и боялись.

Так, как саги оправдали разбой норвежцев; так, как навсегда сдѣлал правыми в троянской войнѣ Гомер греков; так, как Дант из междуусобной войны и городской свары буржуазнаго средневѣковья создал красоту его; так сегодня созидается новая красота.

Мы
Каторжане города лепрозорія
Гдѣ золото и грязь из'язвили проказу
Мы чище венеціанскаго лазорія
Морями и солнцами омытаго сразу.

Безголовая, безгласная и безглазая жизнь нашла сама свое слово.

Их ли смиренно просить помоги мнѣ
Молить о гимнѣ об ораторіи
Мы сами творцы в горящем гимнѣ
Шумѣ фабрики и лабораторіи.

Посмотрите как красив новый человѣк. Он не сгибается. Он кричит. Вы всѣ так хорошо научились смѣяться над собой, вы так очеховились и кричать разучились.

Вот война пришла и кто из вас смог написать пѣсню наступленія. Вы ушли от жизни, хотѣли обратить искусство в комнатную собаку. И вот вы отлучены от искусства.

Новый уже пришел, а не обѣщан только, поэт; грозно его лице, и он прекрасно болен «пожаром сердца». Он говорит

— . . . .
Уже ничего простить нельзя
Я выжег души гдѣ нѣжность растили
Это труднѣе чѣм взять
Тысячу тысяч Бастилій
. . . .
Вам я
Душу вытащу
Растопчу
Чтоб большая
И окровавленную дам как знамя...
. . . .
Я обсмѣянный у сегодняшняго племени
Как длинный скабрезный анекдот
Вижу идущаго через горы времени,
Котораго не видит никто...

Кажется наступает великое время. Рождается новая красота, родится новая драма; на площадях будут играть ее и трамваи обогнут ее двойным разноидущим поясом цвѣтных огней.

Мы стоим у ваших ворот и кричим «разрушим, разрушим», и знаем что выше скучных античных крыш взбѣжали в небо побѣги готических зданій подобных столбам пожара.

О. Б. Хлѣба!

«Если у них нѣт хлѣба, пусть ѣдят пирожныя». Мы ѣли пирожныя, потому что нам не давали хлѣба. И какой только пакостью не кормили нас предпріимчивые кондитеры. «Пирожныя! самыя обсахаренныя, самыя свѣженькія, тают во рту. Пожалуйте! снѣжныя буше Блока, вкуснѣйшія эклер Бальмонта, не прикажете ли свѣшать фунтик карамели без начинки «Акмэ» новой фабрики Гумилева бывшаго старшаго прикащика т. д. В. Брюсов с братом. Фабрика оборудована по послѣднему слову техники; всѣ машины выписаны из-за границы. Очень рекомендую». И наконец наиновѣйшее достиженіе кондитерскаго искусства «Мороженное из сирени».

Сосали, пережевывали, захлебываясь, глотали эту сахарную снѣдь, вымазывая патокой губы и души. Потом валялись на всем что помягче: куда дѣться от тошноты.

Радуйтеся, кричите громче: у нас опять есть хлѣб! Не довѣряйте прислугѣ, пойдите сами, встаньте в очередь и купите книгу Маяковскаго «Облако в штанах». Бережнѣй разрѣзайте страницы, чтобы как голодный не теряет ни одной крошки, вы ни одной буквы не потеряли бы из этой книги-хлѣба.

Если же вы так отравлены, что лекарство здоровой пищи вам помочь не может, умрите;—умрите от своей сахарной болѣзни.

А

«нам здоровенным,
«с шагом саженьим

нам которые

«держим в своей пятернѣ
«міров приводные ремни

только этой книги не хватало, чтобы жить.

Раньше было

«Не кляните мудрые;
«Что вам до меня.
«Я вѣдь только облачко
«Полное огня.
«Я вѣдь только облачко;
«Видите, плыву
«И зову мечтателя,
«Вас я не зову.

теперь

«От вас которые влюбленностью мокли
«От которых в столѣтья слеза лилась
«Уйду я
«Солнце моноклем
«Вставлю в широко растопыренный глаз.
«Невѣроятно себя нарядив
«Пойду по землѣ, чтоб нравился и жегся
«А впереди
«На цѣпочкѣ Наполеона поведу как мопса.
«И вся земля поляжет женщиной
«Заерзает мясами хотя отдаться
«Вещи оживут и губы вещины
«Засюсюкают: цаца, цаца, цаца.

а это

«Мы с дрожью страсти и печали
«Едва над морем разцвѣло
«Ей чресла розами вѣнчали
«И гіацинтами чело.

и

«Тѣло твое
«Я буду беречь и любить
«Как солдат
«Обрубленный войною
«Ненужный
«Ничей
«Бережет свою единственную ногу.

раньше:—гдѣ?

«Близ медлительнаго Нила, там, гдѣ озеро
«Мерида, в царствѣ пламеннаго Ра . . .

теперь

«Это было
«Было в Одессѣ.

ибо

«Что мнѣ до Фауста феерiей ракет
«Скользящаго с Мефистофелем в небесном паркетѣ
«Я знаю
«Гвоздь у меня в сапогѣ
«Кошмарнѣй чѣм фантазiя у Гете.

Наконец то

«Мы
«Каторжане города Лепрозорiя

дождались своего поэта-пророка. Он кричит нам

«Господа!
«Остановитесь!
«Вы не нищiе
«Вы не смѣете просить подачки.
«Нам здоровенным
«С шагом саженьим
«Надо не слушать а рвать их
«Их
«Присосавшихся безплатным приложеньем
«К каждой двуспальной кровати.
«Их ли смиренно просить помоги мнѣ
«Молить о гимнѣ обораторiи
«Мы сами творцы в горящем гимнѣ
«Шумѣ фабрики и лабораторiи
. . . .
. . . .
«Плевать что нѣт у Гомеров и Овидiев
«Людей как мы
«От копоти в оспѣ
«Я знаю
«Солнце померкло б увидѣв
«Наших душ золотыя розсыпи.

Он клянется

«Когда приход его . . . . оглашая
«Выйдете к спасителю
«Вам я
«Душу вытащу
«Растопчу
«Чтоб большая
«И окровавленную дам как знамя.

Д. Бурлюк.

«Взглядъ загробнаго міра».

В. Хлѣбниковъ.

Он сегодня.

Буги на небѣ.

Если есть два понятія близнеца, то это мѣсто и время. Но какая разная у них судьба. Одно изучено и лишь неточность мѣшает рѣшить, какое оно греческое, нѣмецкое или русское; о другом—неизвѣстно ни одной истины. Если a, b, c суть законы пространства, то все, что находится в пространствѣ, подлежит дѣйствію этих законов. Если m, n, t, суть законы времени, то всѣ граждане времени, начиная от души и кончая государством, подлежат дѣйствію этих законов m, n, t.

Первым шагом было бы, если бы на пока чистом холстѣ понятія времени удалось сдѣлать нѣсколько черт, намѣтив углами и точками нос, уши, глаза лица Времени

Нѣкоторые (Гамильтон) считают алгебру ученіем о возможном времени. Первыя истины о времени должны говорить не о том, каким оно могло быть, но каким оно есть.

Ученіи о времени суждено вызвать растущій луч чудес. Возможно будет построить зажигательныя зеркала и подзорныя трубы для лучей с длительностью волны в 317 лѣт. Открываемые здѣсь лучи народов и отдѣльной души окончат прекрасный ряд лучей Френеля, Бекереля, Рентгена, Герца.

Далѣе будет изложена одна черта времени, именно, условія подобія двух точек в нем, выведенныя из опыта.

Сейчас найденныя черты слѣдующія:

I. Единицам времени свойственно убывать в порядкѣ ряда $S = a^3, a^2, a, \frac{1}{a}, \frac{1}{a^2}$ при чем $\frac{a^n}{a^{n-1}} = 365$.

2. Время x может быть понято, как многочлен $A_n 365^n + A_{n-1} 365^{n-1} \dots A_2 365^2 + A_1 365 + A_0 = x$, гдѣ x = время между двумя подобными точками.

3. Для того чтобы время x соединяло двѣ подобныя точки, нужно условіе: чтобы $x \equiv o$ [modul 48].

4. Или что тоже $x \equiv o$ [modul $365 + 48_n$] [Далѣе берется господствующій случай $365 \pm 48_n$ именно $365 - 48 = 317$].

5. Закон колебательнаго движенія государств отличается от закона движенія отдѣльной души только тѣм, что времена измѣряются двумя сосѣдними членами в ряду S: единицей $365 \pm 48_n$ для государств является год, для отдѣльной души — день.

6. Нѣкоторый свѣт на эти соотношенія проливает любопытная связь между скоростью свѣта и скоростями земли солнечнаго міра, связь заслуживающая имени бумеранга в Ньютона и далѣе приводимая.

7. Происхожденія числа 48 остается темным, но в законѣ свѣта и земель кругом солнца оно одинаково распространено по солнечному міру и выходит за предѣлы земного. Чтобы сузить изслѣдованіе далѣе повсюду вмѣсто $365 \pm 48_n$ взят его частный случай 317 дней или лѣт.

Вот примѣры луча народов [люд луча] 1871 = 1227 = 31 = 665 = 2250 [modul 317] 1028 = 711 = 77 = = 1191 [m. 317] 1770 = = 1453 = 502 = 449 [mod. 317] 1644 = 376 = 59 [mod 317] 543 = 1176 = 1493 [mod. 317] 1905 = 1588 = 1271 = 637 = 314 [mod. 317] 1915 = 1281 = 2205 [mod. 317] 533 = 1801 [mod. 317].

ИМЕНА НАРОДОВ.	Года люд бурь.	Число люд волн.	К Т О?	Когда.	Число волн в 317 лѣт.
нѣмцы и татары . . .	1871, 1237	2	сингалезы и малабарцы .	543, 1176	2
нѣмцы и римляне . . .	1871, 31	6	сингалезы и египтяне .	543, 1493	3
нѣмцы и японцы . . .	1871, 665	8	русскіе и испанцы . . .	1905, 1583	1
нѣмцы и эламиты . . .	1871, 2250	13	русскіе и французы . .	1905, 1271	2
норманны и арабы . .	1028, 711	1	японцы и арабы	1905, 637	4
норманны и скифы . .	1028, 77	3	японцы и индусы . . .	1905, 314	7
норманны и греки . . .	1770, 1191	7	тевтоны и монголы . .	1281, 1915	2
русскіе и турки	1770, 1453	1	тевтоны и царство ся .	1915, 2205	13
русскіе и византійцы .	1770, 502	4	кодекс Наполеона и кодекс Юстиніана . . .	533, 1801	4
русскіе и греки	1770, 449	7			
манчжуры и гунны . .	1644, 376	4	запорожцы и галаты .	1605, 277	6
манчжуры и корейцы .	1644, 59	5	синіе, зеленые и якобинцы	533, 1801	4
манчжуры и тибетцы .	1644, 693	3			
манчжуры и индусы . .	1644, 1327	1			

Это только небольшое число примѣров из имѣвшихся в рукѣ.
Нетрудно видѣть что было бы возможно новое лѣтоисчисленіе с помощью числа вида $a + b\sqrt{-1}$, если избрать сравненіе 1915 = 1281 = 2205 исходным, а внутри его выбрать исходным 1915 год, то 1281 год будет — 2 — 0 $\sqrt{-1}$, 2205 — 13 — o $\sqrt{-1}$, 1871 = o — 44 $\sqrt{-1}$ 1237 год = 2 — 44 $\sqrt{-1}$ проще — 2 — 44; 31 год — 6 — 44, 665 год — 8 — 44; 2250 год — 13 — 44; 1453 год, — 1 — 145; 449 = — 7 — 145, в числѣ $a + b\sqrt{-1}$ не пишется; b состоит из числителя и знаменателя 317, который не пишется. При помощи его вмѣсто сравненія 1871 = 1237 = 31 = 665 = 2250 (mod. 317) было бы; 0 — 44 = 2 — — 44 = 6 — 44 = 8 — 44 = 13 — 44 (mod. 317).

То же для отдѣльной души. Жизнь Пушкина дает примѣры колебательных волн через 317 дней, как ни закрыт луч его жизни разными облаками.

Именно его свадьба была на 317-й день послѣ его помолвки с Н. Г., а первое проявленіе анакреонтическаго ряда пирушка в Лицеѣ из за которой он едва не был исключен была за 316_n дней до свадьбы.

Удивительно, что во множествах, толпах, также сказывается колебательный закон 365 + 48. Именно число кончивших бестужевское училище за 25 лѣт было 317 · 11, в Астраханском Соколѣ за 1913 год было 317 членов; число судов вошедших и вышедших из Англіи за 6 мѣсяцев подводной борьбы, дѣленное на число потопленных судов, дает в частном число 317; 31382 : 99 = 317; в письмах число букв кратно часто 317; т. е. множества тоже суть волнообразное движеніе.

Но лучшіе примѣры колебательнаго волненія души через 317 дней дает «дневник Маріи Башкирцевой». Подробнѣе об этом в книгѣ «нѣсколько слов о природѣ времени на земном шарѣ».

Так 31 марта 1877 она восклицает «умереть! Боже мой, умереть!» через 317 дней 12 февраля 1878 то же настроеніе: «умереть? это было бы дико и однако я должна умереть». Далѣе удивительно мѣткое замѣчаніе, указывающее что М. Башкирцева имѣла право печататься в «Пощечинѣ Общественному вкусу». «Если бы я была богиней и вся вселенная была бы к моим ногам, я находила бы что мои владѣнія дурно устроены. Я не могу жить».

Вот примѣр для об'ясненія происхожденія памяти:

19 мая 1876, как указывает дневник, Марія Б. поцѣловала итальянца А; через 317 · 3 — 26 декабря 1878 внезапно воспоминаніям о нем посвящена цѣлая страница; при этом воспоминаніе о А 26 дек. 1878 через 317 послѣ припадка отчаянія 12 февр. 1878.

24 мая 1876 страницами дневника отмѣчено раскаяніе за проступок поцѣлуя 19 мая (за 5 дней) через 317 · 5 послѣ 24 мая 1876; 28 сентября 1880 Марія Башкирцева видит А во снѣ, и на утро просыпается, «бѣленькой, хорошенькой, красивой».

Точно также 13 октября 1873 было «роковым днем» (извѣстіе о женитьбѣ гр. Г.), 5 день 18 октября 1873 был переломным вспышки ненависти к Г. Через 317 · 3 послѣ 18 окт. 1873 Марія Башкирцева вспоминает снова Г. и посвящает нѣсколько строк его красотѣ.

Точно также знакомство с чилійцем 26 апрѣля 1880 отдѣлено 317 · 3 от желанія купить драгоцѣнные камни. Этой покупкѣ посвящено $1^1/_2$ страницы.

Удивляющій пестротой своих записей дневник при сопоставленіи дней сравнимых по 317 удивляет стройностью и способен убѣдить каждаго, что подобные дни в жизни одного человѣка приходят через (365 ± 48) дней. Но здѣсь приведено только незначительное число примѣров. В нѣкоторых случаях имѣет мѣсто не 317 дней, а 317 ± 1 день.

Если закон государств, міровой души есть $F_1(x)$, а закон души одного человѣка есть $F_2(z)$ то опытныя данныя приводят к двум положеніям:

1) $F_1 = F_2$; 2) $x = 365_z$

То есть, душа человѣчества относится к душѣ человѣка, как год ко дню, давая в частном (голос земли) число 365.

Вообще говоря раз осмѣлились жить на земном шарѣ, люди должны тщательно изучить условія жизни на нем. Но до сих пор время было какой то золушкой, выполнявшей работы в уравненіях опытных наук. Ау-люд, приходящій на смѣну уа-люду, отдает времени должное.

У владѣть есть два значенія 1) знать, умѣть и 2) господствовать приказывать. Владѣтели будущаго будут предвидя будущее приказывать ему прійти. Никто лучше не исполняет приказаній чѣм солнце если ему приказать взойти на слѣдующій день.

Теперь остается показать удивительныя почти чудесныя связи между скоростью свѣта и скоростями земли:

Если скорость свѣта M, скорость движенія земли по годичному пути d; скорость (наибольшая, экваторѣ) суточнаго движенія $= б$ то $M = 317 \frac{d^2}{2б}$; допуская $M = 299860$ к, $=$ $= 300.000$ к. $б = 46510$ сант. $d = 2960\ 600$ сант.

Иначе это можно написать так:

$$M \cdot 365 \cdot 24 \cdot 60 \cdot 60 \cdot v = ПR^2 - \frac{48ПR^2}{365};$$ радіус земли $= v$ радіус орбиты $= R$.

То есть площадь прямоугольника одна сторона котораго равна радіусу земли, а другая пути проходимому свѣтом втеченіи года, равна площади, описываемой прямой, соединяющей солнце и землю, втеченіи 317 дней.

Для Юпитера уравненіе принимает вид:

$$300000 \cdot 1044 \cdot 11 \cdot 6000 \cdot 86400 = 3.777^2\, 10^{12} - \frac{48 \cdot 3 \cdot 777.^2 - 10^{12}}{1044}$$

Первая половина уравненія равна $1728 \cdot 10^{15}$

Вторая $1809 \cdot 10^{15} - 86832 \cdot 10^{12} = 1722168 \cdot 10^{12} = 1722 \cdot 10^{15}$. Или $172810^{15} =$ $= 1722 \cdot 10^{15}$; $17 \cdot 10^{17} = 17 \cdot 10^{17}$

Тоже для Венеры. В этом состоит 1-й бумеранг в Ньютона.

Типографія З. Соколинскаго. Петроградъ, Надеждинская, 33.

60 к.